

Юрий КУЗНЕЦОВ

Знамя с Куликова

Сажусь на коня вороного —
Пронесется тысяча лет.
Копыт не догонят подковы,
Луна не достигнет рассвет.

Сокрыты святые обеты
Земным и небесным холмом.
Но рваное знамя победы
Я вынес на теле моём.

Я вынес пути и печали,
Чтоб поздние дети могли
Латать им великие дали
И дыры российской земли.

Возвращение

Шёл отец, шёл отец невредим
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли.

Мама, мама, война не вернёт...
Не гляди на дорогу.
Столб крутящейся пыли идёт
Через поле к порогу.

Словно машет из пыли рука,
Светят очи живые.
Шевелятся открытки на дне сундука —
Фронтные.

Всякий раз, когда мать его ждёт, —
Через поле и пашню
Столб клубящейся пыли бредёт,
Одинокий и страшный.

Гимнастёрка

Солдат оставил тишине
Жену и малого ребёнка
И отличился на войне...
Как известила похоронка.

Зачем напрасные слова
И утешение пустое?
Она вдова, она вдова...
Отдайте женщине земное!

И командиры на войне
Такие письма получали:
«Хоть что-нибудь верните мне...»
И гимнастёрку ей прислали.

Она вдыхала дым живой,
К угрюмым складкам прижималась,
Она опять была женой.
Как часто это повторялось!

Годами снился этот дым,
Она дышала этим дымом —
И ядовитым, и родным,
Уже почти неуловимым.

...Хозяйка новая вошла.
Пока старуха вспоминала,
Углы от пыли обмела
И — гимнастёрку постирала.

Отцу

Что на могиле мне твоей сказать?
Что не имел ты права умирать?

Оставил нас одних на целом свете.
Взгляни на мать — она сплошной рубец.
Такая рана — видит даже ветер!
На эту боль нет старости, отец.

На вдовьем ложе памятью скорбя,
Она детей просила у тебя.

Подобно вспышкам на далёких тучах,
Дарила миру призраков легучих —
Сестёр и братьев, выросших в мозгу...
Кому об этом рассказать смогу?

Мне у могилы не просить участия.
Чего мне ждать?..
Летит за годом год.
— Отец! — кричу. —
Ты не принёс нам счастья!.. —
Мать в ужасе мне закрывает рот.

«Надо много дышится

пробитое пулями солнце...»

На краю

Битва звёзд, поединок теней
В голубых океанских глубинах.
Наливаются кровью моей
Вечный снег и следы на вершинах.

Но предчувствием древней беды
Я ни с кем не могу поделиться.
На мои и чужие следы
Опадают зелёные листья.

Из теней мимолётного дня
Так и воют несметные силы.
Боже мой, ты покинул меня
На краю материнской могилы.

В ложесны, из которых рождён,
Я кровавые слёзы обрушу...
Боже мой, если ты побеждён,
Кто спасёт её бедную душу?

Поединок

Противу Москвы и славянских кровей
На полную грудь рокотал Челубей,
Носясь среди мрака,
И так заливался: — Мне равного нет!
— Прости меня, Боже,
— сказал Пересвет —
Он брешет, собака!

Взошёл на коня и ударил коня,
Стремнину копыта на зарю накрена,
Как вылитый витязь!
Молитесь, родные,
по белым церквям.
Всё навье проснулось и бьёт по глазам.
Он скачет. Молитесь!

Всё навье проснулось —
и пылью и мглой
Повыело очи. Он скачет слепой!
Но Бог не оставил.
В руке Пересвета прозрело копьё —
Всевидящий Глаз озарил острие
И волю направил.

Глядели две рати, леса и холмы,
Как мчались навстречу две пыли,
две тьмы,
Две молнии света —
И сшиблись...
Удар досягнул до луны!
И вышло, блистая, из вражьей спины
Копьё Пересвета.

Задумались кони...
Забыл Челубей.
Немало покрыто великих скорбей
Морщинистой сетью.
Над русскою славой кружит вороньё.
Но память мою направляет копьё
И зрит сквозь столетья.

Мне снился сон, когда в меня стреляли...
Я выстрелы услышал там и тут —
Во сне и наяву они совпали.
Куда бежать? И там и тут убьют!

Потом во сне тень женщины явилась,
От встречных пуль собою заслоня.
И так сказала: — Я тебе приснилась
В последний раз. Не забывай меня.

Смертельный страх моих волос коснулся,
Свистели пули, ветер гнул траву.
Когда она упала, я проснулся
И услышал: стреляют наяву.

Крутись, крутись, планида голубая!
Светились пули густо в пустоте,
Летели, моё тело огИБая,
И гасли, исчезая в темноте.

О близкой смерти я гадал по звуку.
Как страшно в этом мраке погибать!
— Взойди, светило! — протянул я руку,
И пули стали руку огИБать.

Взошло светило. На меня открыто
Летели пули. Ветер гнул траву.
Тень женщины во сне была убита,
Свет женщины остался наяву.

Любовь ушла. Не надо возвращенья.
— Тебя убьют! — кричу ей, как судьбе. —
Мне твоего не пережить прощенья.
Живи вдали! Я помню о тебе.

Струна

В землю белый и красный легли,
Посылая друг другу проклятья,
Два ствола поднялись из земли
От единого корня, как братья.

В пыль гражданская распря сошла,
Но закуска могильная бродит.
Отклоняется ствол от ствола,
Словно дьявол меж ними проходит.

Далеко бы они разошлись,
Да отца-старика по наитью
Посетила счастливая мысль —
Их связать металлической нитью.

Слушай, слушай, родная страна,
В грозовую ненастную пору,
Как рыдает от ветра струна
И разносится плач по простору.

В ясный день не рыдает она,
И становятся братья родными.
И такая стоит тишина,
Словно ангел витает над ними.

Последняя ночь

Я погиб, хотя ещё не умер,
Мне приснились сны моих врагов.
Я увидел их и обезумел
В ночь перед окончанием веков.

Верно, мне позволил Бог увидеть,
Как умеют предавать свои,
Как чужие могут ненавидеть
В ночь перед сожжением любви.

Жизнь прошла,
но я ещё не умер.
Слава — дым или мара на пути.
Я увидел дым
и обезумел:
Мне его не удержать в горсти!

Я увидел сны
врагов природы,
А не только сны моих врагов.
Мне приснилась
ненависть свободы
В ночь перед окончанием веков.

Я услышал,
как шумят чужие,
А не только говорят свои.
Я услышал,
как молчит Россия
В ночь перед сожжением любви.

Вон уже пылает
хата с краю,
Вон бегут все крысы бытия!
Я погиб,
хотя за край хватаю:
— Господи! А Родина моя?!

Неизвестный солдат

О, Родина! Как это странно,
Что в Александровском саду
Его могила безымянна
И — у народа на виду.

Из Александровского сада
Он выползает на твой свет.
Как хвост победного парада,
Влачит он свой кровавый след.

Во глубине тысячелетней
Владимир-Солнышко встаёт,
И знаменосец твой последний
По Красной площади ползёт.

В его лице полно туману,
А под локтями синий дым.
Заткнул свою сквозную рану
Он бывшим знаменем твоим.

Его слова подобны бреду
И осыпают прах земной:
«За мной враги идут по следу,
Они убьют тебя со мной.

О, Родина! С какой тоскою
Кричит поруганная честь!
Добей меня своей рукою.
Я криком выдаю: ты здесь.

Немилосердное решение
Прими за совесть и за страх.
У Божьей Матери прощенье
Я отмолю на небесах...»

Судьба на подвиг не готова.
Слова уходят в пустоту.
И возвращается он снова
Под безымянную плиту.